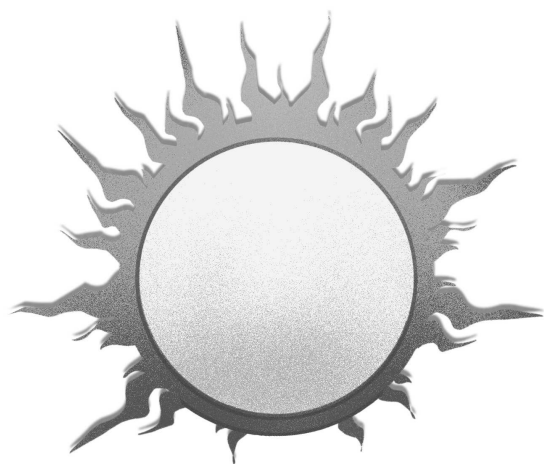

А. КЛАСТЕР

ЗА СОЛНЦЕМ

Москва

А. КЛАСТЕР

ЗА СОЛНЦЕМ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К47

Иллюстрация на переплете *Allorina*

Иллюстрации и дизайн *А. Кластер*

Кластер, А.

К47 За солнцем / А. Кластер. — Москва : Эксмо, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-04-206808-9

Анкарат родился и вырос в квартале отверженных — месте ссылки для неугодных Правителю. Вместе с магом-недоучкой Гризом и горсткой друзей он пойдет на все, чтобы изменить судьбу. Но покорится ли Город Старшего Дома тому, кто способен слышать подземное солнце?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кластер А., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206808-9

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

|

Анкарат слышал солнце. Не небесное, а другое. Подземное, алое, солнце катило к небу свои золотые волны, и те вскипали у горизонта громадами облаков. Весь мир был это солнце, вся жизнь качалась в высоких его волнах.

Анкарат бежал по хрусткой щёбёнке, глиняному крошеву ремесленичьих кварталов; бежал сквозь бледную пыль, сквозь пёстрый шум мастерских; мимо усталых людей в обтрёпанной одежде, мимо глиняных домов, мимо жухлых деревьев, бежал — и слышал: солнце звучит ярче прежнего, ярче вчерашнего, завтра разгорится ещё сильнее.

Килч говорил: не солнце, сила земли, сила Дома, но объяснять ничего не хотел — это тайна, может, потом. Мама говорила: рано, рано, отстань, тебе нечем заняться? Принеси воды, отправляйся к каньонам, позже узнаешь, если судьба. Вот и все ответы, потому Анкарат отвечал себе сам: это — подземное солнце. Слышит его, говорит с ним, звучит для него.

Впереди высились рыжие скалы, на фоне закатного неба — почти почерневшие, как клыки, как клинки в высохшей крови. А в нескольких прыжках от квартала, за пустой полосой земли — Анкарат про себя называл её ничейной, Дому назло — разбегались каньоны. Тёмные трещины до самого

горизонта, гулкие пропасти. Из глубины поднимался жар, грохот и голоса рабочих. Однажды Килч попытался всё-таки объяснить: ты зовёшь солнцем земное ядро, суть, сердцевину. Но Анкарат не верил. Солнце, которое он слышал, было щедрое и золотое. Здесь же, у ржавого края пропасти, слышалась злая, сухая жара, беспмятная ярость и жажда. Не хотелось туда спускаться — а надо было. Килчу нужна костяная руда — для амулетов, лекарств, элементов и знаков.

Возле мостка, протянутого к каньонам, скучали двое Стражников — кожаные доспехи выгорели на солнце, воздух над зачарованными мечами мелко дрожал. По закону никто не может покинуть квартал и из каньонов выйти тоже может не всякий — но на самом деле эти ребята больше следили за контрабандой. Старший, как и всегда, окинул слишком пристальным взглядом, спросил:

— Ну, как ты? — словно они были приятели. Анкарат в ответ только оскалился, стражник хмыкнул, лениво кивнул: иди.

Чем дальше спускался, тем плотнее и горячее становился воздух. Верхние ярусы — совсем как дома квартала, только темнее, грубее, и окна одеты от пыли ставнями. Меж откосов каньонов тянулись верёвочные мосты, от уступа к уступу, от одной подтёсанной лестницы до другой. Мосты раскачивались — над шальным, раскалённым, может, медь кипела внизу, может, текли заклятья. В такую глубь Анкарат никогда не добирался, а с высоты не разглядеть — только туман, только дым в рыжих искрах.

Второй и третий ярусы звенели ковким металлом, шипели паром. Ничего не разобрать, душно, жарко. А дальше — ещё жарче, лестницы погружались в туман как в пар над кипятком. Килч предупреждал: возьми с собой длинный платок, намочи из фляжки, замотай лицо, — но Анкарат всегда забывал. Да и глупо было бы — платки с собой таскать! Ерунда, и так сойдёт.

Тропа жалась к отвесу каньона, из камня щерились другие камни, то гладкие, то с острыми гранями. Туман-пар-дым густел, из ржавого делался бурый — отражал темнею-

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

щее небо. Анкарата шатало, мелькали яркие искры — и под веками тоже, если зажмуриться, не глядеть за край тропы. Не потому, что высоко, — просто слишком уж жарко глазам!

— Ты идиот? — кто-то присвистнул сверху.

Кто это, как он смеет?

Анкарат запрокинул голову. Над туманом никого было не разглядеть, только мутная тень колыхалась. Но по голосу — какой-то мальчишка, может, четырнадцать оборотов, чуть старше его, Анкарата. Как смеет!

— Сам идиот! — огрызнулся он наугад. — Спускайся, сброшу тебя в дым!

— И тоже сорвёшься.

— А ты проверь!

В ответ — тихо. Конечно! Анкарат фыркнул — кажется, здешними искрами — и двинулся дальше. Но тут с уступа посыпался щебень, кто-то прыгнул на тропу за спиной.

Анкарат развернулся, тропа вдруг шатнулась к краю — но тощий мальчишка вцепился в его рукав. Лицо злое и птичье, вокруг пояса — убегавшая вверх верёвка.

— Говорю же!..

Но договорить Анкарат не позволил, страхнул руку:

— Дерись или извиняйся!

Чёрные птичьи глаза блеснули, сразу стало понятно: драться не станет.

— Ладно, прости. Но тут нельзя ходить просто так, без защиты и без страховки. Опасно.

Он поднял ворот, пряча лицо от пара и дыма. Анкарат пожал плечами:

— А мне и так хорошо. Живёшь здесь? Покажи, где сегодня достать костяную руду.

Рынок укрылся в пещерах.

Воздух здесь был прохладнее, но походил на взболтанную воду, оседал на одежде. По тёмным стенам бежали магические строки, изумрудные знаки — наверное, они и раз-

гоняли жар. Под строками и повсюду громоздились столы с образцами руды и другими диковинами каньонов. Всюду блуждал разреженный, словно подводный свет. Народу вокруг было много, но все говорили тихо и приглушённо — от взвеси в воздухе, или от магии, или чтоб потолок не рухнул.

— И как вы здесь живёте? — пробурчал Анкарат. — Какие-то мышинные норы.

Мальчишка — звали его Гриз — нахмурился через плечо, но ничего не сказал. Поймал взгляд Анкарата, скользящий по стенам, и скупой похвастался:

— Я тоже их рисовал. Язык древнего народа.

— И чего, понимаешь его? — Анкарат не подал виду, что удивился.

— Нет, — признался Гриз неохотно, — знаю наизусть. Но я маг, настоящий!

— Ага, настоящий маг из мышинных нор. Заклинатель пещерных ящериц.

— Потихе, а то ведь тебя побьют или похитят и продадут, — огрызнулся Гриз.

Анкарат только фыркнул:

— Пусть попробуют!

Про каньоны, конечно, поговаривали всякое: что здешние пещеры — может, эти же самые — простираются под землёй дальше владений Дома, что в них скрываются преступники и контрабандисты, а ещё — неведомые слепые твари и ожившие проклятья, а может, даже Проклятья настоящие — те, что появляются из недр земли, из её тёмной воли, и что... Да мало ли что! Анкарат не боялся бы, даже окажись это правдой, а Килч говорил — всё выдумки. Никакой опасный зверь в тоннелях не выживет, колдовское проклятье развеется без колдуна, который его сплёл, а Проклятье земли не появится там, где земля мертва.

Правда только про контрабандистов.

Прилавок, к которому Анкарата привёл новый знакомец, сверкал, как сундук подводных сокровищ. Подводных — и из-за этого текучего воздуха, и потому, что такие сундуки встречались только в сказочных гротах морских чудовищ. Море Анкарат видел только в книгах, которые Килч при-

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

носил неизвестно откуда, когда Анкарат был ещё ребёнком, но, рассматривая картинки, он мысленно раскрашивал их в эти же самые цвета. Вспыхивали самоцветы — скользкой лазурью, изумрудным движением волн; куски тёмной породы искрились золотой крошкой рядом с крапинами породы живой — янтарно-алыми, мерно пульсирующими. Чуть гудели от глубины каменные чаши, украшенные тем же, что стены, узором. Были здесь амулеты и даже несколько грубых ножей.

Костяная руда посреди всего этого казалась бледной и скучной, пыльной какой-то. Вот бы потратить деньги на нож, может, хватило бы — но обмануть Килча Анкарат не мог.

Торговец с замотанным до самых глаз лицом что-то показал скупыми резкими жестами; Гриз перевёл:

— Говорит, нравишься земле и камню. Выбирай подарок, в довесок к покупке. — И добавил, явно от себя: — Только не наглей.

Анкарат вытряхнул деньги на ладонь: горсть кругляшей-пустышек, мелких монет, ценность которых ограничивалась ценностью металла; пара пластин с выбитыми знаками элементов — в них, как и во всех непустых деньгах, горело плетение. Даже несколько знаков Изумрудной Печати, далёкого города, где металлы обрабатывали совсем по-особенному, — Килч рассказывал, что их деньги ходят по всей остальной земле, а вот в Городе Старшего Дома появляются редко. Да, на нож бы хватило, но вряд ли Килч обрадуется, если Анкарат всё это потратит.

А подарок...

Анкарат ещё раз тоскливо взглянул на оружие, представил злую тяжесть в ладони, представил, как поднимается по рукояти память о здешней жаре и заговорённых стенах.

И выбрал амулет, гладкий, истекающий лунным светом, — для мамы.

Темнота ночи после пещерной тьмы показалась светлой, чистой. Небесное солнце давно ушло, небо искрилось — не как руда, как вода, глубокая, сиренево-синяя, полная звёзд.

Небесное солнце ушло, но солнце подземное было близко. Ближе, чем в грохоте и чаду каньонов. Каждый шаг звучал золотом, светом.

В следующую дюжину Анкарат несколько раз возвращался в каньоны. С костяной рудой всё прошло удачно. Несмотря на бедность жителей квартала, заказы шли Килчу один за другим, это было хорошо, но времени отнимало кучу. Анкарат привык погружаться под землю, распаренный воздух нижних уровней стал казаться прозрачней, знаки на стенах — ярче. И каждый раз ему встречался Гриз — то возле лестницы отирался, то выныривал из толпы в пещерах. Вёл он себя серьёзней и поучительней раз от раза. Это злило, но и жаль его было тоже. Тощий, нескладный, он как будто постоянно натывался на углы собственного тела, вздёргивал ворот, когда не знал, что сказать, вставлял в разговоры какие-то чудные слова — то ли язык древнего народа, то ли говор чужих Городов. Что ему надо? Хочет дружить? А сказать боится.

Чудно́ это было. С друзьями из квартала Анкарата роднила общая радость жизни, Анкарат верил — они слышат то же подземное солнце, потому понимают его и любят. А этот? Станный какой-то.

— Чего тебе надо? — спросил он впрямик, грубей, чем хотелось. Гриз нахмурился, потёр переносицу сгибом пальца — будто сгоняя мысли.

— Ты необычный. — Голос дрогнул, что-то мелькнуло в нём заворо́женное. — Я... чувствую. Слышу огонь.

Плотный воздух похолодел. А огонь — прокатился по рёбрам, зацепил ладони, ошпарил щёки. Огонь, огонь. Никто до сих пор не замечал. Никто из чужих. А если не врёт? Если правда колдун, значит, и это — правда?

— Хочешь, — выдохнул Анкарат, — приходи в гости. Есть человек, который может дать тебе работу — если ты правда колдун.

Гриз дёрнул ворот — вверх, потом вниз. Улыбался он косовато, но видно было, что счастлив.

— Если... да, конечно, — заговорил тише, без прежней спеси, — а когда...

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

— Да хоть сегодня, — ответил Анкарат, не подумав. Килч, конечно, выслушает, хоть ему и не нужен помощник, а вот мама... но может, и обойдётся.

— Замечательно. Нужно... — Гриз замялся, клубы пара и пыли глодали его силуэт. — Нужно только домой зайти.

Увидев дом Гриза, Анкарат сразу понял, отчего тот сперва спотыкался в словах, а потом до самого порога молчал.

Жил он не на верхнем уровне, а сразу над рынком, в узкой и длинной пещере — прямо нора. Стены облепили знаки, но не строками, не словами — углами, квадратами, грубыми, крупными, не цветными — стальными. Воздух тяжелей, солоней, чем на людном рынке. Несколько шагов — комната плыла во мраке. Вот лавка под драным покрывалом, пол, захламлённый какими-то инструментами, обломками камней, мотками верёвок, крючьями, обрывками старых листов. В тупике, которым кончалась нора, громоздился огромный ящик — заменял стол.

— Понятно, — Анкарат свистнул, — чего ты решил дёрнуть отсюда!

— Тише! — шикнул на него Гриз.

Но опоздал.

В темноте тупика что-то зашевелилось. Просыпалась грубая ругань — сиплый, спитой голос. С треском разгорелся огонь в маленькой плошке. Гриз замер как заколдованный. Из-за ящика медленно, вязко поднималась тощая женщина. Глаза у неё были птичьи — но птицы разбившейся, мёртвой. Она заговорила, быстро, непонятно, уродуя слова. Потом ткнула в Гриза узловатым пальцем:

— Выродок!

Будто прокляла — или проклянёт следующим словом. Губы у Гриза дёрнулись. Анкарат шагнул вперёд, тряхнул его за плечо:

— Мы зачем пришли-то сюда?

Гриз очнулся. Стукнул по круглому знаку на стене, вытряхнул из открывшейся ниши какие-то кубики, амулеты, схемы на серой бумаге — всё в заплочный мешок. Сказал:

— Я ухожу.

— Выродок, — повторила женщина бессильно. Упала на прежнее место, уронила ладонь на плоску с огнём — исчезла во тьме.

Анкарат не знал, кому она бросила последнее слово.

Впервые они возвращались из густого чада каньонов вместе. Воздух светлел, становился прозрачней и легче с каждой ступенью, уходил лихорадочный алый свет, позади оставались густые тени пещер. Возле моста Гриз сбавил шаг: заметил Стражников. Но Анкарат стиснул его запястье, вскинулся, зашагал вдвое быстрее. Старший Стражник прищёлкнул языком, втянул воздух, чтобы что-то сказать, — Гриз задрожал, потянул назад, ссутулился, даже уменьшился, словно тень на свету. Анкарат зло зыркнул на Стражника, почти зарычал — и никто ничего не сказал, никто их не остановил.

Они поднялись на ничейную землю квартала, и та показалась свободной и светлой.

Домой добирались долго — Анкарат жил на верхней границе квартала. Лавки вокруг закрывались, зажигались огни в окнах, на крышах. Облака над огнями текли длинными полосами, темнели, пропитываясь вечерней мглой.

Гриз не оглядывался, только бросал во все стороны быстрые взгляды, щурился от непривычного света. Путь получался тревожный и мрачный — Гриз не говорил, но было понятно: он не сможет вернуться. А Анкарат не знал, сможет ли он остаться. Но с чего бы нет? Может, и ни с чего. Может, и обойдётся.

Несколько раз его окликали. Ткачиха Юнман подозвала расспросить, как дела в каньонах и какие планы у Килча, а в награду за новости вручила Анкарату апельсин, красный, тяжёлый, как уходящее солнце, для квартала — сокровище, редкость; ювелир Имер спрашивал, не интересны ли матушке новые украшения, — показал цепи и кольца из червлёного серебра, но не подарил ничего. Китем и Шид,

НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

сыновья кожевенника Родра и друзья Анкарата, прошагали с ним почти до самого дома, перебрасывая друг другу флягу с разбавленным, недозревшим вином и последние новости: в квартале спрятался вор, приходила Стража из Верхнего города, заговорённое их оружие сверкало ярче, чем у наших, — вот бы такое стащить! Ским спрятала вора на своей крыше, так и не нашли, дураки.

Всё это время Гриз нависал за плечом длинной угрюмой тенью, молчал, смотрел в землю и по сторонам — Анкарат называл его имя, но, кажется, мог и не называть.

Распровавшись с друзьями, Анкарат пробурчал:

— Если хочешь остаться здесь, научись разговаривать. Под землёй-то сколько болтал!

Гриз только пожал плечами — угловатым, странным движением. Словно птица пыталась расправить сломанные крылья. Почему он так изменился? Анкарат взглянул на стекавший к каньонам квартал. И квартал, и каньоны вдали осыпало множество искр-огней, но по земле тянулась длинная тень. Тень душной норы, руки с узловатыми пальцами, брошенного вслед проклятья.

Анкарат нахмурился, скрипнул зубами. Сказал:

— Решил что-то делать — делай, — и открыл дверь.

Этот дом был самым красивым в округе: из светлого камня, высокий — выше квартальной стены! С длинными окнами, гулками потолками, с выцветшими, но ещё разноцветными занавесями на дверях и окнах. В небольшой пристройке жил Килч, там же пряталась его мастерская — оттуда тянулись и пронизывали дом нити магии, плыли по воздуху, колыхались, мерцали. Анкарат и мама жили на втором этаже — туда вела широкая лестница. На квадратных постаментах с двух сторон от неё стояли чаши с огнём. Этот огонь не угасал ни ночью, ни днём и на городские огни не был похож. Янтарный и чистый, осыпал комнату золотистыми брызгами-бликами. Его свет словно ослепил Гриза — он застыл на пороге с открытым ртом, даже за воротник забыл спрятаться.

— Не пьясь, — посоветовал Анкарат.

— Но откуда здесь...

Дверь мастерской скрипнула, нити магии колыхнулись, заискрили над огнём и вокруг.

— Ты поздно сегодня. — Килч хмурился, старой тряпкой вытирал руки — от рудной пыли, золы и только сам знал чего ещё. Высокий, иссушенный временем, мамин учитель походил на дерево у края скалы. В левом глазу у него блестяла увеличительная стекляшка в медной оправе — значит, он до сих пор работал, значит, сегодня тихо. Может, всё обойдётся. Да точно!

Анкарат подбежал к Килчу, протянул ему сумку с рудой — Гриз остался у двери. До сих пор он следовал за Анкаратом длинной тенью, а теперь сделался тенью оторвавшейся, запылённой духом каньонов.

— Это Гриз. Он вроде как колдун. Может, найдётся для него работа?

Килч подошёл ближе. Хмурился, всё комкал в руках свою тряпку. Бросил Анкарату укоризненный взгляд: «Сколько раз мы об этом с тобой говорили! Нельзя никого приводить сюда!» — но Анкарат решил не замечать.

— Что ты умеешь?

Гриз ссутулился, смотрел исподлобья. Отвечал тихо:

— Знаю древний язык... знаки... слышу землю... и... понимаю разное... про людей...

Килч вздохнул, но Анкарат не дал ему заговорить, выпалил:

— Он понял про меня! Сказал, что слышит огонь!

— Кто сказал?..

Над нитями магии, над янтарными бликами пролился медовый голос.

Мама стояла на третьей ступени лестницы, словно парила над залом. Платье алое, расшитое золотыми нитями, искристые бусы, серьги и кольца — и даже кулон, который Анкарат принёс с каньонного рынка, а ведь в первый миг швырнула его прочь, уверен был — не прикоснётся больше. И глаза у неё сверкали — не понять, хорошо или нехорошо. Одно слишком легко превращалось в другое.

Огонь танцевал, тянулся к ней, когда она скользнула меж медных чаш.